

УДК 902 /904 (571) + 930.2
DOI 10.17223/19988613/45/14

П.И. Романов

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОРРЕЛЯЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА НА ПРИМЕРЕ УМРЕВИНСКОГО ОСТРОГА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

В рамках дискуссионного вопроса о взаимоотношениях письменных и археологических источников на примере Умревинского острога рассматриваются проблемы и перспективы корреляции архивных документов, представленных ранее неизученными делами фондов Государственного архива Новосибирской области, и археологического материала, представленного результатами полевых исследований острога с 2000 по 2015 г. В ходе обсуждения вопроса самостоятельности двух видов исторических источников описывается информационный потенциал архивного документа в рамках проведения археологических исследований.

Ключевые слова: Умревинский острог; корреляция исторических источников; интерпретация археологического материала.

Положение о «русской археологии как новом направлении в сибиреведении» было сформулировано в одноименной статье М.П. Чёрной [1]. По мнению автора, развитие русской археологии в Сибири на первых этапах затягивалось по причине того, что работа с поздними памятниками требовала привлечения, помимо археологических, других видов источников: письменных, изобразительных, картографических, а также овладения методикой комплексного источниковедения. В то же время стереотипное отношение к письменным источникам как главным и самостоятельным для освещения поздних периодов истории отодвигало на второй план археологические материалы [Там же. С. 488]. В сибирской археологии возник вопрос взаимосвязи двух типов исторических источников: вещественных и словесных (письменных), а также методики их корреляции. В данной статье, затрагивающей общую проблему взаимосвязи двух типов исторических источников, на примере Умревинского острога будут рассмотрены проблемы и перспективы корреляции архивных и археологических источников.

В представленной работе мы намеренно сужаем письменные источники до архивных документов, подразумевая официальное острожное делопроизводство, сохраняемое в архиве, поскольку такие документы представляют основной доступный для изучения массив письменных документов при изучении истории сибирских острогов. Безусловно, существуют и некоторые исключения. Наиболее авторитетный свод документов делопроизводства Албазинского острога, составленный и систематизированный известным историком XIX в. Николаем Полевым [2], был опубликован в электронном виде библиотекой Мичиганского университета. Такие исключения единичны и не имеют широкого распространения.

Для начала стоит обратиться к определению потенциала информативности двух видов источников и определить возможную методику их корреляции. Информационный потенциал архивного документа практически

не вызывает сомнений у историков после проведения тщательного источниковедческого анализа, включающего в себя анализ происхождения и логический анализ содержания: изучение исторических условий создания источника, изучение личности автора, выявление контекста и целей создания исторического источника [3. С. 35]. Поскольку вся обработка письменных источников не отличается принципиально от основной работы историка – установления причинно-следственных связей между явлениями, письменное источниковедение нередко успешно и вполне профессионально разрабатывается историком, который затем использует полученную информацию для исторического исследования – реконструкции и понимания прошлого [4. С. 46].

С.О. Шмидт в своей типологии ставит архивный документ в разряд письменного памятника словесного источника, но также определяет его и как «документальный памятник» [5. С. 17]. Археологический материал, по его мнению, входит в тип вещественных источников [Там же. С. 21]. В свою очередь Л.С. Клейн считает, что археологический материал, как вещественный источник, не может изучаться с применением методики изучения письменных свидетельств, поскольку без предварительной переработки информация, запечатленная в вещах, непригодна к научному использованию. Требуется его радикальная переработка: двойная перекодировка информации (с языка вещей на естественный язык), а затем сопоставление полученных сведений с другими для установления событий и процессов прошлого, отразившихся в описанных источниках [4. С. 47]. Поскольку такой квалифицированный перевод требует особой подготовки, в которой нужна своя методика и теория, эта отрасль выделяется в особую науку (археологию. – *П.Р.*), которой поручается обработка древних вещественных источников [Там же. С. 48].

Обработка письменных источников – традиционно область действия профессиональных историков, а об-

работка археологического материала – область действия профессиональных археологов. Возникает справедливый вопрос: кто должен осуществлять корреляцию двух видов источников, археолог или историк? По справедливому мнению Л.С. Клейна, подобный историк-синтезатор должен взять на себя обязательство освоить методику и теорию другой науки, «постоянно держать в голове, что ты вломился в другую науку» и не действовать как сугубый дилетант [6]. В данном контексте речь шла о комплексном исследовании первобытных обществ, а Л.С. Клейн склоняется скорее к коллективному разделению обязанностей.

Следовательно, мы должны понимать, что подобная корреляция в большинстве случаев осуществляется либо историком, либо археологом в зависимости от вопросов исследования. Если, по мнению Л.С. Клейна, археология – наука, ведающая особым видом источников, предоставляемых на суд историка после тщательной обработки, то, по мнению М.П. Чёрной, «накопление “критической массы” археологических данных, внедрение современных методик их обработки обеспечили переход от простого количества к новому качеству – самостоятельному, самоценному, необходимому, объективному источнику, который не только дополняет, уточняет или иллюстрирует, но дает новое глубокое и разностороннее знание» [1. С. 500].

Мы не считаем ни один вид источников самостоятельным. Очевидно, что письменные источники XVIII в. запечатлели на бумаге события, связанные с различными людьми, описания строительных материалов, военного снаряжения, провианта и т.д. Все это существовало в действительности, но историк может только представить себе, каким это должно было быть, а археологический материал – это реальный «свидетель» того, как было.

Потребность корреляции письменных и археологических источников по истории Умревинского острога возникла с обнаружением новых, не актуализированных архивных документов населенного пункта, с одной стороны, и вопросов, касающихся интерпретации археологического материала, с другой.

Наиболее авторитетным историком-исследователем острогов новосибирского Приобья является Н.А. Миненко, результаты её работы обобщены в научно-популярной монографии «По старому Московскому тракту» [7]. В этой же публикации описана и история возникновения Умревинского острога. К сожалению, в этом издании не приводятся источники информации. Известно, что автор работала почти во всех архивах современного Сибирского федерального округа, однако в её работе не были использованы документы фонда № Д-107 Государственного архива Новосибирской области «Умревинский острог и судная контора» [8. Ф. 107]. Полезным для изучения документом оказалась и нигде ранее не упомянутая метрическая книга церкви Трёх Святителей Умревинского острога за 1781–1784 гг. [Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2714].

Под археологическим материалом подразумеваются результаты полевых исследований Умревинского острога с 1999 по 2009 г., обобщенные в монографии А.П. Бородавского и С.В. Горохова «Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг.» [9].

Основной проблемой в изучении документов является их сложная письменная форма. В данном случае при изучении документов XVIII в. – это европейская скоропись XVII в. в локальном варианте её развития. Но при выборе правильной методики, после консультации с археографами (в нашем случае это В.Н. Алексеев), палеографическая расшифровка доступна и археологу. В данном контексте стоит отметить, что главная проблема начала изучения сибирских острогов – определение его локализации – была решена старейшим новосибирским краеведом К.П. Зайцевым именно в ходе анализа письменных источников [Там же. С. 15].

Одним из важнейших вопросов археологического исследования некрополя Умревинского острога являются причины массовых захоронений детей и младенцев на его территории. В разных местах некрополя существуют целые конгломераты таких захоронений. Помощником в поиске ответа на этот вопрос стала уже упомянутая метрическая книга Томской духовной консистории «О рождении, браке и смерти» Трёхсвятительной церкви с. Умрева за 1781–1784 гг. [8. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2714]. Свидетельством того, что церковь была приписана именно к Умревинскому острогу, является первая запись данной книги: «Книга, учиненная в Томском духовном правлении за силой указа святейшего правительствующего синода, состоявшегося 23 ноября 1779 г., данная Умревинского острога Трёхсвятительной церкви священник Пётр Иволинов для записи на три части о приходе той церкви люди рождающиеся, бракосочитающиеся и умирающие» [Там же. Л. 1].

Приход церкви состоял не только из жителей Умревинского острога, а распространялся на большую часть современного Мошковского района Новосибирской области. По данным Н.А. Миненко, кроме самого Умревинского острога (в котором в 1777 г. было 3 семьи церковнослужителей и 11 крестьянских семей) в этот приход входили деревни Ташаринская, Дубровина, Поросская, Каменская, Кындынбозинская, Вашинская, Боткинская, Кунгурова, Глызина, Кайлинская, Канарбуцкая, Калаганова, Буготацкая, Маткова, Карбысацкая, Елбацкая, Черномысская, Умревинская дистанция. В деревне Черномысской жили ясачные татары. Умревинская дистанция и деревня Елбацкая возникли в 70-е гг. XVIII в. и были населены ссыльными поселщиками. Всего в 1777 г. в приходе насчитывалось 1 736 человек, в том числе духовного звания 14 человек, мещан – 295, крестьян и поселщиков – 1 314, новокрещенных ясачных людей – 113 [7. С. 51]. Мы попробовали установить уровень детской смертности (с 0 до 15 лет) в приходе Умревинского острога за этот период по письменным источникам.

В записях за 1781 г. значится 57 рожденных детей (29 мальчиков, 28 девочек). В записях о смерти присут-

ствуют 17 человек, из них 3 ребенка: 1 девочка трёх недель и 1 девочка пяти недель умерли от болезни, точно неизвестной; мальчик в возрасте 1 года умер, как записано, от горячки. Таким образом, в этот год умерло всего 3 ребенка, причем умирали дети в возрасте меньше года, что составляет 1,71% от родившихся детей и 17,647% от общего числа умерших. Естественный прирост населения прихода – 40 человек [8. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2714. Л. 6]. В записях за 1782 г. значится 54 рожденных ребенка (26 мальчиков, 28 девочек). В записях о смерти присутствуют 29 человек, из них 9 детей: 1 мальчик пяти дней от роду (причина смерти не указана), 2 мальчика в возрасте одного месяца (причина смерти не указана), одна девочка в возрасте полугода (причина смерти не указана), 2 мальчика и девочка одного года (причины смерти написаны неразборчиво), мальчики 2 и 6 лет (причины смерти написаны неразборчиво). Таким образом, в этот год умерло 4 ребенка, родившихся в текущем календарном году, что составило 7,4% от общего числа родившихся. 9 умерших детей составляют в этом году 31% от общего числа усопших. Естественный прирост населения прихода – 25 человек [Там же. Л. 12].

В записях за 1783 г. указаны и места жительства умирающих. Эти данные свидетельствуют о разделении Умревинской деревни (возможно, Умревинской дистанции) и Умревинского острога. В этом документе имеются сведения о 61 родившемся ребенке (30 мальчиков, 31 девочка). В записях о смерти значится 20 человек, из них 9 дети. Имеются сведения об умерших мальчиках: 1 года, 2, 3 и 4 лет, и девочках: две 2-летние, 3, 5 и 6 лет. Причина смерти установлена только у девочки 6 лет (горячка). Таким образом, 9 умерших детей – это 45% от общего числа усопших. Непосредственно в Умревинском остроге в этом году родилось 2 ребенка, один из них умер через месяц. Естественный прирост населения прихода – 41 человек [Там же. Л. 17].

По установленным данным можно констатировать высокую детскую смертность (32% от всех усопших), которая, судя по отсутствию в некоторых случаях указания причины смерти, была вполне естественной. Любопытно, что у взрослых причина смерти указана во всех случаях, но не всегда разборчивым почерком. Основными причинами смерти взрослых указаны: 13 человек – скоропостижная смерть, 10 человек – от горячки, 7 человек – от чахотки, 4 человека – утонули, 3 человека – от старости, 2 человека – от удущья, 1 человек – от опухоли и 1 человек – от паралича.

Причины детской смертности в XVIII в. рассматривал М.В. Ломоносов в своем сочинении «О размножении и сохранении русского народа». Для решения проблемы детской смертности, а также увеличения населения страны предлагалось: пресекать неравное супружество, где жена значительно старше своего мужа; для преодоления основных смертоносных детских болезней (грыжа, оспа, сухотка, режущиеся зубы, черви в животе) издать большой тираж литературы о методах

их лечения; запретить попам крестить детей в проруби и зажимать им нос при крещении; грамотно распределить христианские посты и праздники; увеличить число ученых врачей; предотвращать убийства [10. С. 598–614]. Это сочинение отражает основные причины детской смертности, связанные с отсутствием профессионального медицинского обслуживания, легкомысленным отношением родителей к своим детям, недостатком знаний об элементарных гигиенических нормах и методах лечения болезней. Стоит отметить, что эти причины характерны не только для болезней детей, но и взрослых. Большое количество детских смертей объясняется также слабым иммунитетом.

Результаты археологических исследований Умревинского некрополя содержат данные о 76 погребениях, среди которых 45 детских (0–15 лет), визуально подразделяемых на 26 младенческих и 19 подростковых захоронений. Из них младенцев: 10 в раскопе западного тына; 2 в раскопе южного тына; 5 в раскопе юго-западной башни; 9 в раскопе жилого сооружения в центральной части. Подростковые: 11 в раскопе западного тына; 1 в раскопе южного тына; 2 в раскопе юго-западной башни; 5 в раскопе жилого сооружения. При изучении периметра острога встречаются погребения и в тыновой канаве и за пределами острога возле тыновой канавки, что осложняет археологическое изучение конструкции сооружения [9. С. 80].

В связи с вышеизложенным мы вынуждены не согласиться с мнением А.В. Шаповалова, считающего, что исследование острога затягивается из-за смены приоритетов в изучении острога с конструкции на некрополь. В действительности дальнейшее изучение острога может продолжаться только при исследовании погребений на его территории, основательно повредивших культурный слой начала XVIII в. [11].

На территории некрополя содержатся массовые детские захоронения, а также могилы младенцев, погребенных не по православному обряду. Датировка погребений затруднена. Антропологическое изучение детских останков проводилось лишь частично. Одно подростковое погребение выглядит наиболее любопытным. При раскопе избы приказчика острога было обнаружено детское захоронение ребенка в мундире, вероятно, времен Екатерины II. В этом погребении, с левой стороны от черепа, под тленом от досок гроба находилась монета 1767 г. с вензелем императрицы Екатерины II [9. С. 69]. Наличие мундира и монеты косвенно позволяет датировать погребение второй половиной XVIII в., что может свидетельствовать о появлении кладбища на территории острога еще в период его бытования, но после пожара и разрушения сооружения в центральной части острога (приказной избы). Количество детских погребений составляет 60% от общего числа усопших, что говорит об очень высоком уровне детской смертности. Коллективные захоронения младенцев могут свидетельствовать о массовой смерти детей в период эпидемии. Факт наличия на тер-

ритории некрополя детских захоронений вне православного канона зафиксирован археологически, но не встречается в метрической книге, хотя учет таких погребений осуществлялся ежегодно.

Таким образом, на территории Умревинского некрополя количество детских погребений составляет 60% от общего числа изученных. Схожие данные при изучении некрополя Илимского острога получил и академик В.И. Молодин – 58,92% [12. С. 34]. Вместе с тем письменные источники затрагивают определенный период его функционирования, поэтому большие разногласия письменных и археологических данных по этому вопросу (30%) подвергаются сомнению.

Если принять во внимание замечание академика В.П. Алексеева о том, что «переход от первичных данных к средним характеристикам не требует специальных допущений, и поэтому можно считать средние показатели достаточно объективными» [13. С. 295], то мы имеем вполне объективные данные. Однако получение более достоверных сведений требует расширения базы письменных источников путём поиска в архивах Сибири метрических книг данной церкви, а также продолжения археологического изучения некрополя Умревинского острога, которое проводится одновременно с исследованием конструкции оборонительного сооружения.

Интересен и документ, составленный в Умревинской судной конторе 25 мая 1759 г. [8. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1, Л. 62]. В этот день была допрошена одна женщина. Она поведала о том, что, вступив в «блудное воровство», зачала ребенка, который позже родился мертвым. Ребенок был похоронен за пределами острога возле стены со стороны леса. Судя по тексту документа, младенец должен покоиться возле еще неисследованного участка восточного тына Умревинского острога. Даже если это погребение не будет обнаружено, мы получаем зафиксированный в архивном документе факт наличия погребений за пределами острога, объясняющийся той или иной экстремальной ситуацией и имеющий в данном контексте коммеморативное значение.

Говоря о корреляции архивных документов и археологического материала по вопросу конструкции острога, стоит отметить ряд важных особенностей. Например, достоверность картографических источников (в том числе архивных), отражающих населенные пункты эпохи русской колонизации Сибири, подвергается сомнению со стороны археологов. В частности, М.П. Чёрная на примере Томска показывает, как построение гипотезы на единственном картографическом источнике может стать причиной появления необоснованной версии о первоначальном размещении города [14. С. 117]. Подчеркивается также расхождение картографических материалов С.У. Ремезова и сведений о большинстве сибирских острогов, предоставленных Г.Ф. Миллером, что требует верификации данных в ходе проведения археологических исследований на территории сибирских острогов [15. С. 177].

В этой связи стоит отметить, что Умревинский острог, ввиду своего появления лишь вначале XVIII в., не был зафиксирован на картах С.У. Ремезова. Не сохранились планы острога и в архивах Новосибирской области. Мы оказываемся в ситуации, когда археологический источник является единственным в вопросе определения конструкции острога. Известно, что план отразил бы конструкцию сооружения лишь на определенный период времени, а археологически мы изучаем его конструкцию с её изменениями за весь период его существования.

Сейчас нам известно, что на территории острога прослежено археологически как минимум три строительных периода: 1) постройка острога без юго-западной башни; 2) постройка юго-западной башни (поскольку изучение конструкции острога не завершено, мы не можем судить о том, что второй строительный период касался только юго-западной башни; вполне возможно, что сначала был построен только тын, а в дальнейшем сооружены башни острога); 3) сооружение некрополя на территории острога [9. С. 51].

Обладея достаточным спектром архивных источников, мы смогли бы ответить на два ключевых вопроса: а) располагалось ли кладбище на территории острога в период его бытования?; б) в какое время острог перестал выполнять свои административные функции и был заброшен? Ответы на эти вопросы позволят сделать интерпретацию археологического материала гораздо более объективной.

Подводя итоги данной статьи, следует отметить, что в ходе корреляции архивных документов и археологического материала мы, столкнувшись с рядом проблем (недостаток базы письменных источников, палеографические трудности, трудности хронологической синхронизации и не законченное археологическое изучение Умревинского острога), тем не менее, значительно продвинулись в вопросе интерпретации археологического материала, изучении погребений некрополя и уточнении предметного комплекса, характерного для Умревинского острога не только как оборонительного сооружения, но и как административного объекта. Были установлены предполагаемые причины высокого уровня детской смертности в приходе острога. Стоит отметить, что сохранились метрические книги большинства острогов. По ним можно установить не только основные причины смерти на территории острога, где особый интерес представляют скорее данные о насильственной смерти («застрелен», «заколот»), поскольку их можно определить археологически, но и годы эпидемии, уровень смерти в различное время года, количество умерших в год и т.д.

В то же время не стоит оставлять без внимания замечание С.О. Шмидта о том, что архивный документ является также и вещественным «документальным памятником» [5. С. 17]. Безусловно, чтение этих документов затруднено, и если для чтения ранних скорописей существуют отдельные азбуки, то для прочтения

каждого документа, составленного отдельным человеком, приходится составлять свою уникальную азбуку, используя которую возможно прочесть документ. Приходится входить в поле вспомогательных исторических дисциплин, обращаться к археографии и палеографии. На первых этапах этой работы мы смогли актуализировать годы бытования острога как минимум до 1784 г.

Очевидно, что археологу не стоит ограничивать-ся одним видом источников, когда возможно их

расширение. При этом не стоит быть дилетантом. В связи с этим полезно привлекать к консультациям, а когда это возможно, и к совместной работе демографов, палеодемографов, историков и краеведов. Важно не забывать, что разные виды источников отражают не разные вещи или события, а одни и те же объекты под разным ракурсом, именно поэтому ни один вид источников не является самодостаточным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чёрная М.П. Русская археология как новое направление в сибиреведении // *Московская Русь: Проблемы археологии и истории архитектуры*. М.: ИА РАН, 2008. С. 482–515.
2. Полевой Н.А. Собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы. М.: Типография Августа Семена при императорской мед.- хирург. академии, 1833. 415 с.
3. Репина Л.П. История исторического знания: пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. М.: Дрофа, 2006. 288 с.
4. Клейн Л.С. Археологические источники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 120 с.
5. Шмидт С.О. О классификации исторических источников // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1985. Вып. 16. С. 3–24.
6. Клейн Л.С. Назад в Ренессанс? URL: <http://trv-science.ru/2009/08/04/nazad-v-renessans>, свободный.
7. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск: Новосиб. книжн. изд-во, 1990. 184 с.
8. Государственный архив Новосибирской области.
9. Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, НГПУ, 2009. 244 с.
10. Ломоносов М.В. О размножении и сохранении российского народа // *Избранные философские произведения*. М., 1950.
11. Шаповалов А.В. В Сузуне находится самый значимый исторический памятник Новосибирской области: интервью. URL: <http://sibkray.ru/news/1/32237>, свободный.
12. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
13. Алексеев В.П. Демографическая и этническая ситуация // *История первобытного общества. Эпоха классобразования*. М.: Наука, 1988.
14. Чёрная М.П. О чём «рассказывает» история и что «показывает» археология: источники и методы изучения русской культуры Сибири // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2016. Т. 44, № 1. С. 114–122.
15. Зеленина В.В. Основные особенности планировки острогов Средней Сибири по описаниям Г.Ф. Миллера // *Материалы LVI Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых в 2016 г.* Чита, 2016. С. 176–178.

Romanov Pavel I. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: Pol777tip@yandex.ru

PROBLEMS AND PROSPECTS OF CORRELATION OF ARCHIVAL DOCUMENTS AND THE ARCHAEOLOGICAL MATERIAL (IN THE UMREVINSK STOCKADED TOWN).

Keywords: the Umrevinsk Stockaded Town; correlation of historical research; interpretation of archaeological material.

The Umrevinsk Stockaded Town was founded in 1703. It is situated in the Moshkovsk District of the Novosibirsk Region, in 3,1 kilometers to the north-west of the Umreva Village, on the left bank of the Umreva River, at the place where the latter falls into the Ob River. The written sources of that time, as a rule, are either fragmentary or too chary of words for one to obtain the complete notion about the process of advancement and security of the new territories of the Russian State. That is why the archaeological data are, perhaps, most authentic source for the study of spreading the Russian population's culture in the south of Western Siberia. The absence of settlements on the territory of the Umrevinsk Stockaded Town, in later periods, led to natural conservation of the cultural layer of the first half of the XVIIIth century. Such concurrence of circumstances allows to consider this populated area as the standard archaeological site of the period of development of Siberia by the Russians, as the one which has a great significance for the whole Siberian Region. In the process of archaeological researches carried out in 2000, 2002-2004 years, the foundation of the south-western embankment tower of the Umrevinsk Stockaded Town, as well as the western, northern and southern palings were revealed. The geophysical and dendro-chronological prospecting works at this place open the new prospects for obtaining interesting information. In the central section of the Umrevinsk Stockaded Town, fallen to pieces construction of brick was revealed. The latter represented itself remains of one of the early Russian stove in the south of Western Siberia. The stove was placed inside of the wooden house of a clerk. These house and stove, on the ground of numismatic finds (over 20 coins – copecks, money, quarter-copeck pieces), one may date from the first half of the XVIII century. In the 90-s of the same century, this permanent defensive work vanished from sight in consequence of conflagration. As part of the discussion of the question of interrelations of written and archaeological sources on an example of the Umrevinsk Stockaded Town we consider problems and prospects of correlation of archival documents, which are represented by previously unexplored cases of the funds of Novosibirsk Region State Archive, and the archaeological material, which is presented by the results of field researches of the Stockaded Town from 2000 to 2015. During the discussion of the question of self-sufficiency of the two types of historical sources we describe the information potential of archival document as part of the archaeological research.

REFERENCES

1. Chernaya, M.P. (2008) *Russkaya arkheologiya kak novoe napravlenie v sibirevedenii* [Russian archeology as a new direction in Siberian Studies]. In: Belyaev, L.A., Batalov, A.L. & Krenke, N.A. (eds) *Moskovskaya Rus': Problemy arkheologii i istorii arkhitektury* [The Moscow Rus: Problems of archeology and history of architecture]. Moscow: Institute of Archeology RAS, pp. 482–515.
2. Polevoy, N.A. (1833) *Sobranie materialov dlya otechestvennoy istorii, geografii, statistiki i drevney russkoy literatury* [The collection of materials for the country's history, geography, statistics and ancient Russian literature]. Moscow: Tipografiya Avgusta Semena.
3. Repina, L.P., Zvereva, V.V. & Paramonova, M.Yu. (2006) *Istoriya istoricheskogo znaniya* [The history of historical knowledge]. Moscow: Drofa.
4. Kleyn, L.S. (1978) *Arkheologicheskie istochniki* [Archaeological sources]. Leningrad: Leningrad State University.

5. Schmidt, S.O. (1985) O klassifikatsii istoricheskikh istochnikov [On the classification of historical sources]. In: *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary sciences of history]. Issue 16. Leningrad: Nauka. pp. 3–24.
6. Kleyn, L.S. (2009) *Nazad v Renesans?* [Back in the Renaissance?]. [Online] Available from: <http://trv-science.ru/2009/08/04/nazad-v-renessans>.
7. Minenko, N.A. (1990) *Po staromu Moskovskomu traktu* [Along the old Moskovsky Tracts]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
8. The State Archives of Novosibirsk Region.
9. Borodovskiy, A.P. & Gorokhov, S.V. (2009) *Umrevinskiy ostrog. Arkheologicheskie issledovaniya 2002–2009 gg.* [Umreva. The 2002–2009 Archaeological Research]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
10. Lomonosov, M.V. (1950) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
11. Shapovalov, A.V. (2010) *V Suzune nakhoditsya samyy znachimyy istoricheskiy pamyatnik Novosibirskoy oblasti: interv'yu* [Suzun holds the most significant historical monument of Novosibirsk Region: An interview]. [Online] Available from: <http://sibkray.ru/news/1/32237>.
12. Molodin, V.I. (2007) *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga* [Cross-pendants from Ilim]. Novosibirsk: INFOLIO.
13. Alekseev, V.P. (1988) Demograficheskaya i etnicheskaya situatsiya [The demographic and ethnic situation]. In: Alekseev, V.P., Artemova, O.Yu., Kubbel, L.E. et al. *Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha klassoobrazovaniya* [History of the primitive society. The era of class formation]. Moscow: Nauka.
14. Chernaya, M.P. (2016) What history says versus what archaeology shows: Sources and methods in the study of Russian culture in Siberia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 44(1). pp. 114–122. (In Russian). DOI: 10.17746/1563-0110.2016.44.1.114-122
15. Zelenina, V.V. (2016) [The main features of planning forts in Central Siberia from descriptions by G.F. Miller]. *Materialy LVI Rossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh v 2016 g.* [Proceedings of the 56th Russian Archaeological and Ethnographic conference of Students and Young Scientists in 2016]. Chita. pp. 176–178. (In Russian).